

Арина Мельникова

Невзаимно

Арина Мельникова

Невзаимно

«Автор»

2026

Мельникова А.

Невзаимно / А. Мельникова — «Автор», 2026

Соня Громова семь лет хранила в сердце тихую, безответную влюблённость в своего соседа Кирилла Пономарева. В свой двадцать первый день рождения Соня решила всё изменить и отпустить свою первую любовь. Но правда ли её чувства невзаимны?

© Мельникова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	20

Арина Мельникова

Невзаимно

Глава 1

Сложно сказать, сколько раз Соне приходилось сталкиваться с тем, что любимый человек её не замечает. Он словно видел всех вокруг — но только не её. Она чувствовала себя невидимкой, пустым местом, и от этой мысли внутри всё сжималось.

Эти горькие чувства успели порядком надоесть. Если бы Соня могла повернуть время вспять, она, пожалуй, пожелала бы никогда не влюбляться в Кирилла Пономарева. Но судьба распорядилась иначе.

Всё началось ровно семь лет назад. Тогда ей было всего четырнадцать, и она впервые увидела его — обычного соседского парня, сына семьи, жившей по соседству.

Возможно, Соня и не обратила бы на него внимания, хотя конечно Кирилла было трудно не заметить. Пусть он и был её ровесником, уже тогда он не оставлял равнодушными не только сверстниц, но и многих других.

Русые кудрявые волосы, зелёные глаза, прямой нос, пухлые губы и волевой подбородок — в нём будто сошлись все черты, которые так цепляют взгляд. А ещё он был лучшим игроком школьной баскетбольной команды: при росте 185 сантиметров и крепком спортивном телосложении он двигался по площадке с такой уверенностью, что невозможно было отвести глаза.

Впрочем, Соня давно привыкла к красивым парням. У неё было три старших брата — настоящие красавцы, вокруг которых вечно крутились такие же эффектные ребята. Так что, если бы не тот роковой случай, она, скорее всего, просто скользнула бы взглядом по фигуре Пономарева и пошла дальше.

7 ЛЕТ НАЗАД

Старшие братья — Лёша, Дима и Никита — вместе с отцом, Леонидом Громовым, собирались в поход. Мама, Наталья Александровна, к таким приключениям была равнодушна. «Блуждать непонятно где и спать на траве в компании с букашками?» — с лёгкой усмешкой повторяла она, твёрдо оставаясь при своём мнении.

Соня, к своему искреннему сожалению, уже пообещала лучшей подруге Тане провести вместе девчачий день — такой, как в американских мелодрамах: с болтовнёй до поздней ночи, любимыми фильмами и бесконечными порциями сладостей.

И теперь мысль о том, что вся семья уходит в лес, а она остаётся, отзывалась в душе Сони тихой грустью. Ей хотелось шагать по лесной тропе вместе со всеми, вдыхать свежий воздух, слушать, как братья перебрасываются шутками, и чувствовать рядом надёжное отцовское плечо.

Но нарушить обещание она не могла. Таня почти две недели без умолку щебетала о предстоящей ночёвке, описывая каждую деталь будущего вечера с таким восторгом, что Соня прекрасно понимала: если она вдруг откажется, подруга сильно обидится. И эта мысль заставляла её крепче держаться за данное слово.

— Соня, только никаких ночных походов, ладно? Проведите этот вечер дома, я тебя очень прошу.

— Мам, ну правда, хватит переживать! Мы и не собираемся никуда выходить. Сделаем маски, включим какую-нибудь комедию и будем просто болтать.

— Хорошо, хорошо... Ты уж пойми меня — я волнуюсь. Тебе всего четырнадцать, а в этом возрасте так тянет на приключения...

— Ну мам, я уже не ребёнок! Соня стала собиралась к подруге на ночёвку с каким-то преувеличенным усердием — будто, если делать всё быстро и старательно, тоска от расставания станет чуть тише. А больше всего на свете ей сейчас хотелось быть рядом с отцом и братьями: походы с ночёвками были их особым семейным ритуалом, тем самым клеем, что скреплял их маленькую вселенную.

У неё была по-настоящему дружная семья. Мама всегда старалась понять и поддержать, разве что порой чересчур настойчиво пыталась пробудить в Соне интерес к «настоящей девичьей жизни» — ко всем этим маскам, нарядам и прочим вещам, от которых на Соню накатывала скука. Зато с папой всё было иначе: он умел сделать каждый день приключением. То они мчались в другой город, то карабкались на гору, то шли по лесной тропе до самого заката, то сидели с удочками в тишине рассвета. А походы были настоящей отдушиной Сони — её любимым кусочком счастья.

С братьями она всегда находила общий язык: они обожали младшую сестрёнку и без конца её баловали. В походах они беззлобно подшучивали друг над другом, и воздух будто звенел от смеха. А вечером все собирались у костра, ели кашу, которая в походных условиях казалась самой вкусной на свете. Именно этого — этого простого, тёплого, шумного уюта — Соне сейчас отчаянно не хватало. И мысль о том, что сегодня она будет не там, царапала изнутри.

Мама тихо подошла и обняла Соню, ласково взъерошив её длинные русые волосы.

— Не злись, я просто очень беспокоюсь. Но обещаю, что не стану вам с Таней праздник портить. Только, пожалуйста, позвони мне перед сном, чтобы я знала, что ты в порядке.

Соня крепко обняла маму в ответ, на мгновение прижавшись к её плечу — словно хотела забрать с собой хоть чуточку этого домашнего тепла.

— Я не злюсь, мам. Хорошо, обязательно позвоню. Так что не переживай, ладно?

Мама чуть отстранилась, улыбнулась и ласково провела рукой по её волосам.

— Спасибо, солнышко. Не буду тебе мешать — собирайся спокойно. Скажи, когда будешь готова, — я тебя подвезу.

Таня без конца ходила взад-вперёд по своей комнате, будто пыталась шагами унять нетерпение. Каждая минута тянулась бесконечно — она ждала, когда наконец приедет Соня.

В дверь позвонили, и Таня сорвалась с места. Она метнулась к выходу, опережая родителей: не хотела тратить ни секунды на приветствия и пустые разговоры. Сегодня ей предстояло сказать нечто куда более важное.

От волнения Таня чувствовала, как жар приливает к щекам, а кожа покрывается красными пятнами. В груди всё сжималось от страха: а вдруг подруга отреагирует совсем не так, как хочется? Вдруг вообще не захочет больше общаться? Но скрывать правду Таня больше не могла — тайна жгла изнутри, не давая дышать спокойно.

— Привет! — просипела Таня, сжимая подругу в объятиях прямо на пороге.

— Привет! Может, уже пропустишь меня в квартиру? — со смехом ответила Соня, пытаясь высвободиться из чересчур крепких объятий.

— Ой, прости! Проходи скорее.

— Всё хорошо, Тань? Ты какая-то бледная... И голос у тебя странный.

Таня быстро оглянулась, будто проверяя, не подслушивает ли кто, и, схватив подругу за руку, прошептала:

— Не здесь.

Она потянула Соню за собой, почти волоча её по коридору, и устремилась в комнату. Плотной захлопнув дверь, наконец отпустила её руку. Потом заметалась по комнате, кружась, словно пытаясь унять дрожь, и, не найдя себе места, без сил плюхнулась на кровать.

Не успела Соня и слова сказать, всё ещё пребывая в растерянности, как Таня, сбивчиво тараторя, посыпалась извинениями. Она бормотала что-то про предательство, про то, что всё вышло случайно, что она ничего не планировала, а их дружба для неё — самое дорогое на свете.

— Таня, успокойся, я ничего не понимаю, — Соня присела рядом, мягко положив ладонь на её дрожащую руку. — Пожалуйста, говори помедленнее.

Таня на секунду замерла, судорожно втянула воздух, будто собираясь с силами, и тихо, но твёрдо выговорила:

— Соня, я влюбилась в твоего брата Никиту. Точнее... нет, не так. Я уже люблю его. Давно. Он мне понравился с самого начала — с той самой минуты, как я его увидела.

Хоть Соня и понимала, что для подруги этот разговор — настоящее испытание, что она долго собиралась с духом, чтобы всё рассказать, она не смогла сдержаться и вдруг звонко рассмеялась.

Таня отпрянула и уставилась на неё с изумлением, в её глазах мелькнули обида и растерянность.

— Тань... Прости, я не то хотела... — Соня поспешно стёрла улыбку с лица, изо всех сил стараясь выглядеть серьёзной, и потянулась к подруге, чтобы взять её за руку. — Я вовсе не над тобой смеюсь. Просто ты так переживала, будто мир рушится, а оказалось... ты просто полюбила Никиту.

— «Просто»? — горько повторила Таня, чуть вздёрнув подбородок. — Всё совсем не просто. Никита... он такой...

Соня прекрасно понимала, о чём она. В её братьев и правда было сложно не влюбиться — она уже столько раз слышала эти признания, столько раз видела, как девчонки теряли голову.

Лёша, самый старший, недавно отметил двадцать первый день рождения и успешно закрыл четвертый курс столичного медицинского университета. Светлые, пшеничного оттенка волосы обрамляли его выразительное лицо, а синие, почти стальные глаза смотрели твёрдо и спокойно. Высокий, статный, с мощной, крепкой фигурой, он неизменно притягивал взгляды. При этом Лёша был удивительно добрым — и многие девушки невольно принимали его вежливость за интерес. Но на самом деле его сердце было занято одной-единственной целью. После смерти дедушки все его мечты, все стремления сосредоточились на одном: стать лучшим нейрохирургом. А для этого полумер было недостаточно — нужно было выкладываться до конца, без остатка.

Дима был вторым сыном в семье — семнадцать лет, только-только начался первый курс экономического факультета. В этом возрасте мир будто распаивается настезь, и Дима встречал его с тем особенным азартом, который бывает, когда впереди — целая жизнь и столько всего хочется успеть. А экономика манила его не сухими правилами, а стройной логикой чисел: в цифрах он видел свой собственный порядок, свою истину.

Его волосы были темнее, чем у старшего брата, — глубокий каштановый оттенок. А глаза он унаследовал от матери: пронзительные, ярко-зелёные, они словно видели чуть больше, чем хотелось окружающим. Дима оказался самым высоким в семье и, несмотря на худобу, выглядел по-своему статно — в его осанке чувствовалась внутренняя собранность.

Характер у него был куда сложнее, чем у Лёши. Дима не умел сглаживать углы и терпеть не мог несправедливость — она задевала его до глубины души. Из-за этого в школьные годы родителям не раз приходилось бывать в кабинете директора: бесконечные драки случались не из-за вспыльчивости, а из-за упрямого желания встать на защиту слабого или отстаять правду, какой бы неудобной она ни была. При этом он оставался честным и порядочным — просто его порядочность не умещалась в рамки тихой вежливости.

И, конечно, тот, в кого влюбилась лучшая подруга Таня, — Никита, третий сын в семье. Он был старше Сони на два года и, пожалуй, самый бесшабашный из всех братьев.

Его светло-русые волосы вечно выглядели слегка растрёпанными — будто он только что вернулся с ветра или в спешке провёл по ним рукой. Глаза — холодные, как льдинки, — были точь-в-точь как у Сони, и в этом родственном сходстве таилась особая, почти неуловимая связь. А когда он улыбался, на щеках появлялись ямочки, и эта соблазнительная улыбка будто обезоруживала всех вокруг.

Никита не мог похвастаться ростом старших братьев — его рост был 175 сантиметров, — но зато его телосложение вызывало восхищение. В нём не было ни грамма лишней худобы или нарочитой массивности: упругие мышцы, выточенные не в погоне за модой, а благодаря упорным тренировкам, говорили о силе и выносливости. Казалось, он с лёгкостью мог дать фору любому взрослому мужчине, годами добивавшемуся такого результата в спортзалах и фитнес-центрах.

Никита всё никак не мог нащупать свой путь — он находился в вечных поисках себя, и эта неугомность сквозила во всём. Спортивная гимнастика, хоккей — он загорался каждым новым увлечением, отдавался ему всей душой, а потом вдруг остывал и бросался навстречу чему-то ещё. Переломным стал пятый класс: он пошёл с другом на соревнования по карате — и будто что-то щёлкнуло внутри. С того дня карате прочно вошло в его жизнь, но и тут он не остановился на достигнутом: тяга пробовать новое по-прежнему гнала его вперёд. Так и метался между спортивными интересами, не в силах остановиться на чём-то одном.

Впрочем, эта неспособность сделать выбор касалась не только спорта. Шёл последний, одиннадцатый класс, а Никита по-прежнему не представлял, чем займётся дальше. Перед ним расстилалось множество дорог, и каждая манила по-своему — а может, пугала своей неопределённостью. Он будто нарочно оттягивал момент, когда придётся сказать твёрдое «да» чему-то одному.

При этом у него был свой особенный дар — располагать к себе людей. Ему всё сходило с рук не из-за вседозволенности, а благодаря этому редкому обаянию: стоило ему улыбнуться, и даже самые строгие взгляды смягчались. Даже драки — дело обычное для мальчишек — чаще всего обходили его стороной: стоило Никите заговорить, объяснить, пошутить, и напряжение рассеивалось, словно его и не было.

Соня на общем семейном фоне словно выпадала из картины — и, по её собственному мнению, не в лучшую сторону. Стоило только взглянуть на родных, и всё становилось очевидно: братья явно пошли в отца. Папа, высокий — пожалуй, лишь Дима мог с ним поспорить в росте, — отличался подтянутым, спортивным телосложением. Блондин с холодными стальными глазами, так похожими на взгляд Лёши, он будто нёс в себе отпечаток своей прошлой жизни.

Полжизни отец прослужил офицером, и это наложило на него особый отпечаток: безупречная армейская выправка, внутренняя собранность, строгая дисциплина — прежде всего по отношению к самому себе. Он неукоснительно следовал распорядку, жил по чёткому внутреннему уставу. Но эта строгость удивительным образом не касалась его любимой жены и детей: к ним он относился с безграничной теплотой, в них он души не чаял. А к Соне и вовсе был особенно неравнодушен — не мог отказать своей малышке ни в чём, и в его стальных глазах при взгляде на неё всегда загорался мягкий, особенный свет.

Мама же была настоящей красавицей — такой, что невольно замирало сердце. Густые каштановые локоны волнами ложились на плечи, изумрудно-зелёные глаза сияли живым блеском, а прямой нос и тонкие, изящные черты лица придавали её облику едва уловимую аристократичность.

Соня не раз думала: а вдруг её подменили в роддоме? Длинные русые волосы казались ей тусклыми, мышинового оттенка, а глаза — бесцветными, словно серые стекляшки. Она не разделяла всеобщего мнения о том, что её глаза похожи на глаза Никиты.

Плоская грудь, отсутствие изгибов — тело казалось ей ровным, как доска. Пухлые щёки, за которыми прятались ямочки, не вызывали у неё гордости — скорее, лишь раздражение.

Соня не была гением, как её братья: учёба давалась ей с трудом. И спортивной её тоже нельзя было назвать — физические упражнения не приносили радости, а успехи в них казались недостижимыми.

Глава 2

Вырвавшись из вороха мыслей о своей семье, Соня ласково посмотрела на Таню.

— Я буду рада, если вы начнёте встречаться. Если смогу чем-то помочь — ты можешь на меня положиться. Я всегда мечтала, чтобы мы смогли породниться.

Таня порывисто обняла подругу.

— Спасибо, Сонь, — выдохнула она, и в этом вздохе слышалась вся тяжесть долгих переживаний. — Хотя, если честно, думаю, что шансов у меня и нет вовсе.

Таня развернулась к зеркалу и окинула себя критическим взглядом. Рыжие непослушные локоны, едва доходящие до плеч, будто жили своей жизнью. Янтарные глаза, яркие, но, как ей казалось, слишком «кричащие», и россыпь веснушек, покрывавшая лицо и шею. Таня знала: она весит килограммов на пятнадцать больше, чем её одноклассницы, — и каждый раз, вспоминая об этом, чувствовала, как внутри сжимается что-то горькое и колющее.

Она грустно вздохнула, и в этом звуке было столько неуверенности, что Соня невольно шагнула ближе, будто хотела заслонить подругу от её собственных мыслей.

— Ты чего, Тань? Ты красивая! У тебя такие глаза и волосы — ты яркая, словно солнце! — горячо запротестовала Соня. Она искренне удивилась поведению подруги: Таня всегда держалась так уверенно, никому не позволяла себя задевать. Если надо — могла и за себя постоять, и за того, кому некому заступиться. В её характере была эта внутренняя твёрдость, которая не терпела несправедливости. И видеть сейчас, как она сама себя принижает, было для Сони непривычно и даже немного больно.

— Ох, мы столько времени на это потратили... — Таня поспешно перевела тему, будто хотела стряхнуть с себя тягостные мысли. — Иди переодевайся в пижаму, а я пока принесу закуски.

Соня озадаченно кивнула и, всё ещё немного сбитая с толку, неуверенно пошла в сторону ванной. В её движениях сквозила лёгкая растерянность — она чувствовала, что Таня нарочно уходит от разговора, но не знала, стоит ли настаивать или лучше просто дать подруге передышку.

Выйдя из ванной, Соня вновь опешила, поражённая тем размахом, с которым Таня всё обустроила. Огромная кровать была укрыта пушистым розовым пледом, на ней уютно разместились россыпь маленьких подушек и поднос с закусками и ягодами. На тумбочке выстроились несколько коробок пиццы, напитки и баночка любимого фисташкового мороженого Сони.

Таня уже сидела на кровати, поджав ноги под себя, словно султанша на троне, и старательно разглаживала маску по лицу.

— Тань, это точно на нас двоих? — с сомнением спросила Соня, обводя взглядом изобилие угощений. — Или к нам ещё человек пять присоединятся?

— Что? Не говори глупостей, — отмахнулась Таня и похлопала по свободной стороне кровати. — Скорее садись сюда. Держи, — она протянула Соне невероятно дорогую маску для лица.

Соня присела на кровать, повторив позу подруги, и взяла маску.

— Обязательно было так тратиться? — недовольно пробурчала она, хотя в глубине души ей было приятно. Всё это изобилие немного смущало — словно она не заслужила такой заботы.

— Да я особо и не тратилась, — небрежно ответила Таня, жуя чипсинку.

Впрочем, стоило уточнить: хоть семья Громовых и не испытывала финансовых трудностей — после выхода на пенсию глава семейства открыл свой бизнес, который приносил неплохую прибыль, — семья Баяриновых находилась совсем на другом уровне. Их считали местными магнатами, и потому представление о «дорогом» и «дешёвом» у Тани было весьма

размытым. Для неё эта щедрость казалась обыденностью, тогда как для Сони — почти роскошью.

Включив фильм, девочки почти не разговаривали: он оказался по-настоящему захватывающим и смешным — они смеялись до слёз, забывая обо всём на свете. Очнувшись лишь тогда, когда на экране поползли титры.

— Сонь, расскажи мне что-нибудь интересное про Никиту, — с надеждой попросила Таня, чуть наклонившись вперёд, будто боялась спугнуть момент.

Соня едва не подавилась мороженым. Хотя она и любила братьев, петать им дифирамбы или даже просто подолгу о них рассуждать было выше её сил. Она на секунду замерла, подбирая слова, в которых не было бы ни восторга, ни раздражения — просто что-то настоящее, без прикрас.

— Ну... ему нравятся английский и математика, любит гонять на байке. В последнее время всерьёз увлёкся скалолазанием. Ещё занимается дзюдо — скоро поедет на соревнования. Вроде и всё... — Соня пожала плечами, будто сама чувствовала, что перечисляет сухие факты, которые ничего не рассказывают о человеке.

— Сонь, ну мне не нужны общеизвестные вещи, — вздохнула Таня, слегка закатив глаза. — Я и так всё это знаю, я же часто к вам в гости прихожу. Расскажи про другое: какие девушки ему нравятся? Встречается ли он сейчас с кем-нибудь? Или с кем встречался раньше?

Соня на мгновение замерла, будто взвешивая, стоит ли лезть в эту территорию. Она знала брата, но не была уверена, имеет ли право раскрывать его тайны — даже в таком, казалось бы, невинном девичьем разговоре.

— Девушки... — задумчиво повторила Соня, будто пробуя слово на вкус. — У него много знакомых «девушек». Все такие красивые — словно куклы с витрины. Но я не уверена, что они для него что-то значат... Может, просто знакомые.

Она на секунду замолчала, подбирая слова, чтобы не выдать лишнего и в то же время не обмануть подругу.

— Во всяком случае, домой он никого не приводил и меня ни с кем не знакомил. Так что... не знаю, есть ли там что-то серьёзное. Или вообще хоть что-то.

Таня устало потёрла виски. Да, «куклы» — примерно об этом она и думала всё это время. Ну не могла она понравиться кому-то вроде Никиты Громова. И дело было даже не в его потрясающей внешности — в ней Таня видела что-то недостижимое, как у героя из фильма, до которого не дотянуться.

Она часто бывала в доме подруги, и Громовы всегда принимали её как родную. Все братья Сони относились к ней хорошо, но Никита... Он был другим. Всегда слушал её так, будто она рассказывала что-то по-настоящему важное. Интересовался её мнением, когда за столом разгорались шуточные семейные споры. Даже в школе, когда Таня пыталась пройти мимо, сделав вид, что они не знакомы, он окликал её, подбегал поздороваться — будто ему правда было приятно её видеть. А однажды он подвёз её на своём байке до дома — о таком Таня и мечтать не смела. В тот вечер она шла по тропинке к подъезду и всё оглядывалась, будто хотела удерживать этот момент подольше.

— А давай сходим в клуб? — с вызовом бросила Таня, будто сама себе доказывая, что может быть смелой.

— В клуб? — неуверенно переспросила Соня. Идея ей совсем не нравилась. Она нахмурилась, теребя край футболки. — Нам даже пятнадцати нет — кто нас туда пустит? Да и маме я пообещала, что мы будем дома, — жалобно простонала она, словно эта клятва была не просто словами, а чем-то очень важным, что нельзя нарушить.

— Да брось, ну какая настоящая ночёвка без хоть какой-нибудь вылазки? — настаивала Таня, в её голосе звенела азартная искра, будто сама мысль о маленьком приключении уже делала вечер особенным.

— Да что мы там делать будем? — раздражённо уточнила Соня, невольно кутаясь в плед, словно он мог защитить её от неугасающего энтузиазма подруги. Её пугала сама перспектива оказаться в шумном месте, где все вокруг будут двигаться в ритме музыки, а она — чувствовать себя не на своём месте. — Я и танцевать-то не люблю... Мне и тут хорошо: фильм, мороженое, тишина. Зачем куда-то тащиться?

-Соня, ну не будь такую скучной, умоляюще проворчала подруга. Мне это нужно. И ты же любишь приключения?

-Да, приключения, но не это же..-пыталась протестовать до последнего Соня.

В дверь постучали. Девочки вздрогнули, будто их застали за подготовкой к какому-то дерзкому преступлению. В проём заглянула мама Тани — Марина Николаевна.

— Девочки, давайте закругляться, время почти одиннадцать, — спокойно, но твёрдо сказала она.

— Ладно, мам! — Таня вскочила с постели и чуть ли не подталкивала маму к выходу, стараясь поскорее завершить этот разговор. — Мы уже всё, честно!

— Спокойной ночи, девочки.

— Спокойной ночи, мам!

— Спокойной ночи, Марина Николаевна!

Едва дверь захлопнулась, Таня метнулась в гардеробную и принялась яростно рыться в вещах, вытаскивая одну вещь за другой и тут же отбрасывая в сторону.

— Соня, иди сюда! — позвала она подругу, голос звенел от внезапного воодушевления, будто в куче одежды она вот-вот отыщет ключ к какому-то невероятному плану.

— Таня, я всё ещё думаю, что это плохая идея, — продолжала ворчать Соня, но всё же зашла в гардеробную и не смогла удержаться — с любопытством оглядела кучу брендовых вещей, которые переливались тканями и фактурами, словно витрина модного бутика.

— Сонь, мы всего на часик, просто зайдём, развеемся немного, обещаю! — клятвенно сложив руки, заверила Таня, и в её глазах плясали озорные огоньки, будто она уже видела, как этот маленький побег превратит вечер в приключение.

— Ладно, уговорила, — Соня подняла руки в шутливом жесте капитуляции. — Но сначала я маме наберу, скажу, что мы собираемся спать.

Она на секунду замолчала, и в её взгляде мелькнуло сомнение, которое никак не хотело исчезать.

— Тань, а как мы вообще выберемся, чтобы твои родители не заметили? Да и в клуб нас разве пустят? По нам же сразу видно, что восемнадцати нет.

— Не волнуйся, я живу на первом этаже — предлагаю осуществить наш побег через окно! — Таня заговорщически подмигнула, будто речь шла не о рискованной затее, а о самой обыденной вещи на свете.

— А клуб? Я тебя умоляю, дам денег, — махнула она рукой с такой небрежной уверенностью, словно пара купюр могла запросто распахнуть перед ними любые двери.

Глава 3

— Ай! — девочки потирали ушибленные места. Выбраться из окна на первом этаже на словах казалось делом простым, а на деле обернулось целым испытанием: подоконник оказался неожиданно высоким, а спуск — куда менее удобным, чем представлялось.

— Первая часть плана успешно выполнена! — со смехом почти прокричала Таня, размахивая руками, будто отмечала маленькую победу.

Соня улыбнулась подруге — и вдруг почувствовала, как в груди шевельнулось что-то новое: не просто волнение, а настоящее предвкушение. Её и правда начало захватывать это нелепое, рискованное приключение. Даже боль от ушибов будто отступила на задний план, уступив место азарту.

— Я слышала, как одиннадцатиклассницы болтали про новый клуб «Атриум». Там даже звёзды выступают! Правда, идти придётся далековато... Предлагаю заказать такси, — Таня говорила быстро, будто боялась, что если сделает паузу, то магия момента рассеется.

Соня молча кивнула, и в этом кивке было больше, чем простое согласие: в нём сквозило робкое принятие авантюры, смешанное с трепетом перед тем, что ждало впереди. Она уже не спорила, не искала поводов отказаться — будто сама судьба подталкивала её шагнуть за привычную черту.

Выйдя из такси, девочки замерли, восхищённо оглядываясь по сторонам: клуб и правда оказался великолепным. Огромное здание переливалось огнями — яркие вспышки света скользили по фасаду, будто танцевали в такт музыке. Даже издали доносился пульсирующий ритм — чёткий, манящий, обещающий ночь, полную впечатлений.

Вокруг толпились молодые люди и парочки; кто-то смеялся, кто-то увлечённо что-то обсуждал, а некоторые, не стесняясь, целовались почти у самого входа. Подруги смущённо отвели глаза, чувствуя себя одновременно зачарованными этой атмосферой и немного не в своей тарелке — будто они заглянули в какой-то другой, взрослый мир, где всё было чуть громче, ярче и смелее, чем они привыкли.

Таня крепко взяла Соню за руку и потянула её к входу, будто боялась, что подруга в последний момент развернётся и убежит. Подойдя вплотную к охраннику, Таня судорожно вздохнула, собираясь с духом, — казалось, этот спокойный, невозмутимый мужчина сейчас одним взглядом раскроет их обман.

Охранник стоял, не выражая ровным счётом никаких эмоций: ни улыбки, ни раздражения — просто смотрел вперёд, будто девочки были лишь частью бесконечного потока людей, проходящих мимо.

Неподалёку входила стройная белокурая девушка — она звонко рассмеялась, проходя мимо подруг, и этот лёгкий, беззаботный смех прозвучал для Сони и Тани почти как насмешка. Девочки невольно сжались, чувствуя себя здесь лишними, слишком юными и неловкими посреди всей этой сверкающей, шумной жизни.

К охраннику лёгкой, почти танцующей походкой подошла девушка — и весь мир будто на секунду замер, чтобы полюбоваться ею. Русые волосы с тёплым медным отливом мягко обрамляли её миниатюрное лицо, подчёркивая выразительные глаза и ту самую улыбку, в которой таилась едва уловимая дерзость. Фигура была безупречной — такой позавидовала бы любая модель. В руках она держала какой-то список, но держала его небрежно, словно он не имел никакого значения.

Наклонившись, девушка что-то тихо прошептала охраннику, а потом медленно, нарочито неторопливо окинула взглядом Соню и Таню. Её взгляд был цепким, оценивающим — будто она считывала каждую деталь, каждую неловкость. Девочки невольно съёжились под этим при-

стальным осмотром. Им вдруг показалось, что они выглядят до нелепости неуместно в этом сверкающем мире.

На Тане было чёрное платье, больше напоминавшее балахон: она надела его, чтобы скрыть живот и, как ей казалось, слишком массивные бёдра. Белые кеды на ногах только усиливали этот странный контраст, а чересчур яркий макияж, который она так старательно накладывала, теперь выглядел кричащим и совсем ей не шёл.

Соня выбрала комбинезон цвета фуксии — единственную вещь, которая хоть как-то сидела по фигуре. На ногах тоже были белые кеды. А её макияж сводился к стрелкам — но нарисованы они были так неуверенно, что только подчёркивали её смущение, придавая лицу чуть перекошенное, растерянное выражение.

Девушка вдруг улыбнулась — и в этой улыбке не было ни капли надменности, лишь лёгкая, почти добрая ирония. Она мягко взяла обеих девочек под руки и повела вниз по ступенькам, словно оберегая от суеты и шума клуба.

— Так, юные леди, — усмехнулась незнакомка, останавливаясь у подножия лестницы. — Я администратор этого клуба. И, честно говоря, думаю, что вам обоим давно пора быть дома, в своих кроватях. Если нужно, вызову вам такси. Или, может, родителям позвонить?

Девочки отчаянно замахали головами, будто одним этим движением могли отогнать саму мысль о звонке родителям.

— Н-нет, не надо родителям... Мы уже пойдём, — тихо, почти шёпотом ответила Соня, и в её голосе прозвучала не бравада, а внезапная усталость — будто весь азарт и кураж разом испарились, оставив после себя только неловкость и понимание, что они и правда зашли слишком далеко.

— Вот, такси заказали, — пробормотала Таня, показывая экран телефона администратору.

Девушка довольно кивнула, на миг задержав на девочках тёплый, чуть снисходительный взгляд — будто хотела убедиться, что они и правда собираются уехать, а не передумают в последнюю секунду. Потом она чуть улыбнулась, словно прощая им эту маленькую авантюру, и повернулась, чтобы пойти обратно к клубу — туда, где пульсировал свет, гремела музыка и кипела взрослая жизнь, которая сегодня оказалась не по размеру двум юным мечтательницам.

— Пойдём, — устало сказала Таня, будто последние крупинки энергии уходили даже на то, чтобы выговаривать слова. — Такси остановилось не там, где надо. Придётся немного пройти — по карте выходит, что оно где-то за углом.

Подруги завернули за угол — и будто попали в другой мир. В сквере стояла какая-то пугающая тишина: ни смеха, ни шагов, ни даже далёкого гула города. Только ветер шелестел в листве, да по асфальту перекатывался мелкий мусор, словно сквер давно забыли и перестали замечать.

— Нам туда, — прокашлявшись, сказала Таня, хмуро сверяясь с картой и тыча пальцем в темноту, где не было видно ни огонька, ни силуэта машины — только густая, непроглядная тень.

Соня неуверенно взглядела в ту сторону, но различала лишь смутные очертания деревьев, сливающихся с ночью. Сердце у неё ёкнуло: в этой темноте всё казалось чужим и немного враждебным. Она невольно придвинулась чуть ближе к Тане, будто рядом с подругой ночь становилась чуть менее страшной.

Не успели девочки пройти и пары шагов, как откуда-то справа донёсся резкий свист, а следом — одобрительный, но отчего-то особенно противный смех.

— Смотрите-ка, какие гости к нам пожаловали, — усмехнулся самый высокий из троих парней; все они явно были подвыпившими, на вид — лет по двадцать.

— Сколько за час? — пробасил второй, хохотнув над собственной шуткой. Остальные двое тут же разразились громким, скрипучим смехом, от которого по коже бежали мурашки.

Отхлебнув из бутылки, самый высокий парень медленно двинулся в сторону девочек, нарочно растягивая шаг, будто хотел дать им прочувствовать каждый миг нарастающего ужаса.

Соня и Таня застыли, словно вросли в асфальт. Мышцы будто онемели, и ни одна из них не могла заставить себя хотя бы шевельнуться. Время словно растянулось, стало тягучим и липким.

В голове у Сони бешено прокручивалась одна и та же мысль: успеют ли они пробежать назад до клуба? Дорога туда заняла не больше шести минут, а если мчаться изо всех сил — и вовсе три... Но отпустят ли их эти мерзкие парни? Или эта темнота, эта тишина сквера навсегда скроет то, что здесь произойдёт? Сердце колотилось где-то у самого горла, перекрывая дыхание, а мир сузился до тяжёлых шагов, приближающихся с пугающей неотвратимостью.

Пока Соня лихорадочно пыталась сообразить, что делать, в ушах вдруг зазвенело так, будто внутри черепа взорвался беззвучный крик. В следующее мгновение она поняла: парень, который подходил к ним, схватил Таню и теперь пытался задрать её платье.

Из глаз Сони покатались слёзы — горячие, бессильные, они стекали по щекам, но она даже не замечала их. Двое других парней медленно приближались к ней, на их лицах застыли мерзкие, самодовольные усмешки. Мир вокруг будто раскололся: звуки стали резкими и чужими, запахи — острее, а каждая секунда растягивалась в бесконечность. Соня чувствовала, как земля уходит из-под ног, а паника, тяжёлая и удушающая, сковывает грудь, не давая ни вздохнуть, ни закричать.

Соня обессиленно закрыла глаза, уже не надеясь ни на чью-то помощь, ни на чудо — просто отчаянно желая, чтобы всё это закончилось как можно скорее. Секунды тянулись, словно вечность, каждая из них впивалась в сознание острой, невыносимой болью.

Вдруг сквозь гул в ушах прорвались резкие, громкие звуки — тяжёлые удары, хриплые выкрики, возмущённые голоса. Казалось, где-то совсем рядом завязалась отчаянная драка. Соня распахнула глаза и сквозь пелену слёз различила смутно знакомый силуэт: кто-то яростно отбивался от троих нападавших, не давая им ни шанса. Движения были резкими, собранными, будто человек знал, что делает, и не собирался отступать.

Таня сидела на асфальте, сжавшись в комок, и тихо плакала, вздрагивая от каждого звука. Соня бросилась к ней и крепко, до дрожи, обняла, будто хотела своим теплом отогнать весь тот ужас, что только что накрыл их с головой.

— Сонь, ты как? Он же не успел ничего... — Соня на мгновение запнулась, боясь даже произнести дальше, но ей нужно было услышать ответ, убедиться, что самое страшное миновало.

— Н...нет, — прошептала Таня сквозь рыдания, уткнувшись Соне в плечо, и её голос дрожал, но в нём уже слышалось не только отчаяние — там была и слабая, едва уловимая надежда на то, что кошмар действительно остался позади.

Подруги прижались к друг другу, снова услышав приближающие шаги. Соня подняла взгляд и с облегчением отметила, что трое парней валяются на асфальте.

— Соня? — прозвучал мягкий, бархатный баритон.

Соня вглядывалась в красивое, чуть покрасневшее от схватки лицо спасителя, но никак не могла вспомнить, где видела его раньше. В голове всё путалось, а перед глазами до сих пор стояла та страшная сцена — она никак не могла стряхнуть с себя липкий ужас. Таня по-прежнему всхлипывала, прижавшись к Соне, её плечи вздрагивали от рыданий.

— Не узнала? — в голосе Кирилла прозвучала лёгкая обида, будто ему было немного горько, что она не вспомнила его сразу. — Я в соседнем доме живу, наискосок от вашего. Кирилл Пономарёв. Мы с Ником вместе скалолазанием занимаемся. Да и в школу с тобой ходим — только я в параллельном классе, — он чуть улыбнулся, стараясь хоть немного сгла-

диль напряжение, и в этой улыбке было столько тепла, что у Сони внутри что-то тихо дрогнуло, понемногу отпуская сковавший её страх.

Глава 4

— Да, помню... Прости. Я так испугалась, что совсем ничего не соображаю, — тихо проговорила Соня, и в её голосе дрожала не только усталость, но и стыд за свою растерянность. — Можешь проводить нас до такси? Пожалуйста... — в этом «пожалуйста» была вся её надежда, хрупкая и беззащитная.

— Конечно, — спокойно ответил Кирилл и, не дожидаясь, мягко помог девочкам подняться. Его руки были твёрдыми и надёжными, и от этого простого жеста страх понемногу начал отступать.

— И... можешь, пожалуйста, ничего не говорить родителям и братьям? — проямлила Соня, опустив глаза, будто боялась увидеть в его взгляде осуждение.

— Сомневаюсь, что это возможно, — ответил Кирилл по-доброму, но твёрдо, без лишней строгости, но и без намёка на уступку.

Соня тут же опустила взгляд, чувствуя, как внутри всё сжимается от беспомощности.

— Что вы вообще здесь забыли? Район не самый хороший, да и время — почти час ночи... — негромко, но с явным беспокойством пробурчал Кирилл.

От этих слов Соня вдруг вспыхнула — не от страха, а от злости. Ей было достаточно нравоучений, и этот тон, пусть и заботливый, резанул по оголённым нервам. Он ей даже не брат, не отец — кто он такой, чтобы её отчитывать?

— Ну, а сам-то ты что здесь делаешь? — выпалила она с вызовом, вскинув голову.

Кирилл даже слегка опешил от такого резкого поворота — будто не ожидал, что из напуганной, дрожащей девочки вдруг прорвётся эта упрямая искра.

— Тренировка закончилась поздно, вот и решил у бабушки остаться — от зала до неё ближе. А сейчас выбежал в круглосуточный за соком... — он чуть запнулся, будто сам чувствовал, насколько нелепо это звучит сейчас, посреди всей этой темноты и тревоги.

Соня покраснела, а потом, невольно оглянувшись, заметила на асфальте разбитую бутылку сока — осколки поблескивали в тусклом свете фонаря. От этого мелкого, случайного штриха стыд вдруг накрыл её с головой: из-за их нелепой авантюры, из-за всей этой ночи, полной ошибок, теперь ещё и это — разбитый сок, как символ того, насколько всё пошло не так.

— Прости... Я не имею права тебя отчитывать, — тихо произнесла Соня, и в её голосе прозвучало искреннее раскаяние. — И спасибо, что оказался рядом. Без тебя... всё могло закончиться совсем иначе.

Кирилл задумчиво кивнул, будто взвешивал каждое слово, прежде чем его произнести.

— Не буду говорить родителям, — наконец сказал он, глядя Соне прямо в глаза, чтобы она почувствовала: он действительно это обещает. — Но Нику скажу. Мы с ним сдружились, и я не могу скрывать такое. Вам могла грозить реальная опасность — он должен знать.

— Хорошо, — устало согласилась Соня, уже не находя в себе сил спорить. В этот момент ей просто хотелось, чтобы эта бесконечная ночь наконец закончилась.

Кирилл бережно усадил девочек в такси, задержав ладонь на двери, словно ещё не был готов отпустить их одних.

— Может, мне с вами поехать? — с тихой, почти трепетной заботой уточнил он.

— Н-нет, всё в порядке, — быстро ответила Соня, чуть поспешнее, чем следовало бы, будто боялась, что если замешкается, то снова расплачется. — Дальше мы сами.

— Ты уверена? — с сомнением переспросил Кирилл, вглядываясь в её лицо, будто пытался прочесть там правду, спрятанную за маской спокойствия.

— Да, — уже твёрже ответила Соня, стараясь вложить в это слово всю ту храбрость, которую ей сейчас так не хватало. — Там мы уже будем в порядке.

Он ещё секунду помедлил, потом медленно закрыл дверь, отступил на шаг и стоял так, пока такси не тронулось с места. И даже когда машина скрылась за поворотом, ему всё ещё казалось, что он должен был сделать больше, защитить их надёжнее, не отпускать вот так — в темноту, где опасность могла притаиться за любым углом.

Девочки потом не могли вспомнить, как пробрались обратно в квартиру, как раздевались, как стояли под струями душа — всё слилось в одну размытую, серую пелену, сквозь которую едва пробивались отдельные обрывки ощущений: холод кафеля, шум воды, тяжесть собственных рук.

Таня отключилась мгновенно — едва её голова коснулась подушки, дыхание стало ровным, и она провалилась в глубокий, спасительный сон, будто тело само решило стереть этот вечер из памяти.

А Соня почти до самого утра не могла сомкнуть глаз. Она лежала, уставившись в темноту, и мысли кружились в голове, не давая ни секунды покоя. В первую очередь — о Кирилле. О том, как он появился из ниоткуда, будто сама судьба подбросила его в ту самую секунду, когда надежда уже почти угасла. О его твёрдом голосе, о том, как уверенно он шагнул навстречу опасности, не раздумывая. И ещё — о том, как в его взгляде не было ни капли осуждения, только тревога и желание помочь.

Соня с тревогой ожидала приезда братьев и отца. Прошло уже три дня с той ночи, а ощущение надвигающейся грозы не отпускало — оно висело в воздухе, тяжёлое и неотвратимое, как перед грозой. Соня прекрасно понимала: если Кирилл расскажет Никите, остальные братья тут же обо всём узнают.

Она вздрогнула, услышав с первого этажа радостные возгласы и смех. Звуки были привычными, родными — но сейчас они почему-то резанули по нервам. Братья вернулись, дом наполнился их голосами, топотом, какой-то весёлой суетой... А Соня всё так же сидела, застывшая, будто приклеенная к месту, и чувствовала, как внутри всё сжимается в тугий узел. Ей хотелось одновременно и броситься к ним, уткнуться кому-нибудь в плечо и рассказать всё до последней детали — и в то же время спрятаться, исчезнуть, чтобы ещё хоть немного побыть в этой обманчивой тишине, где никто ничего не знал.

Соня медленно спустилась по лестнице и неуверенно заглянула в гостиную. Там царил привычная, до боли родная суета: братья оживлённо делились весёлыми историями с похода, перебивая друг друга, подшучивали, смеялись — в воздухе витал тот самый беззаботный дух, который всегда наполнял дом, когда вся семья собиралась вместе.

— Мышка! — окликнул её папа и раскинул руки для объятий.

Родные часто звали её Мышкой — в их понимании это было что-то трогательное, милое. Сама Соня никогда не видела в этом ничего очаровательного и обычно не упускала случая горячо и обстоятельно высказать всё, что думает об этом «ужасном» прозвище.

Но сейчас она, не раздумывая, бросилась к папе, уткнулась лицом в его плечо и крепко обхватила руками, словно только в этих объятиях могла наконец почувствовать себя в безопасности.

Все удивлённо переглянулись — такой порывистой и уязвимой Соню видели нечасто.

— Соф, ты в порядке? — с тревогой спросил Лёша, в его голосе прозвучала та самая братская настороженность, которая всегда появлялась, стоило Соне хоть немного выйти из своей обычной дерзкой роли.

Соня чуть отстранилась от папы и обвела взглядом родных. У всех было на удивление хорошее настроение: Ник с Димой, как обычно, перебрасывались колкими замечаниями, но в этой привычной пикировке не было злости — только привычное, почти нежное подтрунивание.

«Не сказал», — мысль пронеслась в голове, лёгкая и одновременно тяжёлая, будто с плеч свалился невидимый груз. Кирилл сдержал слово — по крайней мере, пока.

— Да, всё хорошо, — ответила Соня и тут же кинулась в объятия Лёши, почти повиснув на нём. — Я просто очень скучала... Вас не было почти четыре дня! — проговорила она, и в её голосе дрожали сразу и радость, и обида, и облегчение — вся та смесь чувств, которую она так старательно прятала последние дни.

Лёша потрепал её по волосам.

— Я весь в пыли, сначала в душ хочу, а потом — хоть слона съем, так голоден! — со смехом пророкотал он, и в этом его громогласном веселье было столько жизни, столько привычной, надёжной обыденности, что Соня на секунду даже забыла, как тяжело сжималось её сердце последние дни.

Наталья Александровна улыбнулась, обводя взглядом своих детей — каждого по очереди, будто проверяя, все ли на месте, все ли целы. В её глазах светилась тихая, тёплая радость от того, что дом снова полон голосов, что все вернулись.

— Уже почти всё готово. Идите, приведите себя в порядок — и будем садиться за стол, — мягко сказала она.

— Мам, я выйду ненадолго. Друг подошёл — надо кое-что ему передать, да и он что-то срочное хотел сказать, — с обворожительной улыбкой произнёс Никита и подмигнул матери, словно хотел этим лёгким жестом развеять любые возможные сомнения.

— Иди уже, — рассмеялась мама, махнув рукой. — Только недолго!

Соня застыла на месте, будто чьи-то невидимые руки вжали её в пол. Мысли закружились вихрем, сбивая дыхание: почему именно сейчас? Почему, когда ей так отчаянно хотелось, чтобы этот вечер был обычным, чтобы всё шло по привычному, спокойному кругу, Никита вдруг собрался уходить? В этом совпадении ей чудилась какая-то зловещая неизбежность — будто вот-вот рухнет хрупкая иллюзия безопасности, которую она так старательно выстраивала последние дни.

Не в силах больше стоять под этим уютным, ничего не подозревающим взглядом мамы, Соня резко развернулась и, почти не чувствуя ног, вбежала в свою комнату. Щёлкнул замок — короткий, сухой звук, который вдруг прозвучал в тишине как сигнал тревоги. Она прислонилась спиной к двери, закрыла глаза и попыталась унять бешено колотящееся сердце. Ей нужно было хоть несколько минут тишины — просто чтобы снова научиться дышать.

Глава 5

Соня скучающе уставилась на доску, будто надеялась, что уравнение само собой сложится в понятный узор. Она силилась ухватить суть, но математика всегда оставалась для неё загадочной, упрямой страной, чьи законы ей никак не удавалось постичь.

Прошёл ровно месяц с той ночной вылазки с Таней, и сегодня заканчивался её домашний арест. Наконец-то можно было снова выходить куда угодно — не только в школу и в магазин. Ох, и досталось же ей от братьев, когда история всё-таки всплыла! Они устроили ей такой разнос, что Соня ещё долго чувствовала, как горят щёки от стыда. Хорошо хоть родителям ничего не рассказали: такого позора она бы точно не пережила.

Единственной отдушиной в эти долгие недели стал Кирилл. Братя, к удивлению Сони, прониклись к нему доверием — и ей разрешили гулять с ним. Они бродили по парку, ходили в кино и в кафе, и с каждым разом Соня всё отчётливее чувствовала: она нравится Кириллу. И, что было едва ли не важнее, он нравился ей — по-настоящему, без прикрас.

Таня покосилась на подругу и едва сдержала улыбку: Соня сидела красная, как помидор, и даже не замечала этого.

— Не можешь решить? — с искренним участием спросила Таня, наклоняясь ближе.

— А... что? Да-да, не понимаю ничего, — Соня обречённо вздохнула, будто сдавалась перед лицом непобедимого врага. — Как эти цифры и буквы вообще должны привести к какому-то решению? Это же какая-то магия, а не математика...

— Давай я объясню, — предложила Таня и подвинула к ней свою тетрадь, раскрытую на аккуратно записанных шагах решения. — Смотри, тут на самом деле всё не так страшно, если разложить по полочкам.

На перемене Соня и Таня вышли во двор — подышать свежим воздухом, стряхнуть с себя школьную суету и хоть немного освежиться. Ветер играл с прядями волос, а Соня, покусывая губу, снова и снова прокручивала в голове мысли о Кирилле. Как быть дальше? Какой должен быть следующий шаг? Она догадывалась о его чувствах — в его взглядах, в том, как он старался оказаться рядом, в этой тихой, почти незаметной заботе читалось больше, чем любые слова. Но говорить об этом напрямую? Нет, это казалось невыносимым. Да и признаваться первой она точно не собиралась. Это была её первая влюблённость — нежная, неловкая, пугающе хрупкая, — и всё это невероятно смущало. Ей хотелось одновременно и кричать о своих чувствах, и спрятаться от них куда-нибудь подальше.

Таня уставилась на подругу, в её взгляде читался немой вопрос, смешанный с лёгким раздражением.

— Что? — заметив этот пристальный взгляд, встрепенулась Соня, будто выныривая из своих мыслей.

— Ты вообще меня слушаешь? — вздохнула Таня, слегка закатив глаза. — Я предлагаю пойти на баскетбольный матч. Там завтра старшеклассники играют.

— И что? — равнодушно бросила Соня, снова уплывая мыслями к Кириллу.

— Да я тебе уже десять минут пытаюсь втолковать: там завтра будет твой брат Никита! — с чувством объяснила Таня, будто это должно было стать решающим аргументом.

— Я его и дома достаточно вижу, — скривилась Соня, невольно поморщившись, как от чего-то надоевшего. — Иди одна, если хочешь.

Таня вымученно нашарила телефон на тумбочке. Кто вообще додумался звонить почти в полночь? А ей снился такой чудесный сон — яркий, тёплый, будто всё в нём было правильным и лёгким... В нём они были с Никитой, и мир казался простым и добрым. Таня зажмурилась, пытаясь удержать ускользающие обрывки сновидения, но назойливый звонок безжалостно рвал эту хрупкую картинку.

— Алло, — пробурчала она сонным, недовольным голосом, в котором сквозило всё её раздражение.

— Таня, ты не спишь? — в трубке раздался взволнованный голос Сони — такой бодрый, будто она и не собиралась спать вовсе.

— Уже нет, — нахмурившись, раздражённо бросила Таня, потирая сонные глаза и чувствуя, как приятное тепло сна окончательно утекает сквозь пальцы.

— Прости... Я просто хотела узнать: ты идёшь на завтрашний матч? Я хочу... то есть я пойду с тобой, — торопливо проговорила Соня, будто боялась, что если сделает паузу, то смелость тут же её покинет.

Таня отстранила телефон и ещё раз проверила контакт, словно надеялась, что экран вдруг покажет кого-то другого, а не ту самую подругу, которая обычно не теряла самообладания даже в самых безумных ситуациях.

— Соня, ты звонишь мне в двенадцать ночи, чтобы сказать об этом? — спросила она с нажимом, и в её голосе помимо усталости проскользнула обида. В последнее время Соня вела себя странно: замыкалась в себе, уходила от разговоров, прятала глаза, когда Таня пыталась хоть что-то выведать. А ведь Таня делилась с ней всем — даже о своей влюблённости рассказала первой, доверяя как никому другому. И теперь это молчание резало куда больнее любых слов.

— Давай завтра поговорим, ладно? В субботу встретимся пораньше, посидим в кафе перед матчем, — затараторила Соня, будто хотела одним потоком слов смыть неловкость этого позднего звонка.

— Хорошо, — коротко ответила Таня, чувствуя, как внутри всё ещё шевелится это неприятное чувство — смесь усталости, обиды и тревоги за подругу. Она нажала кнопку сброса и положила телефон обратно на тумбочку, уставившись в темноту комнаты. Сон окончательно растаял.

Соня зашла в кафе, и её сразу окутало уютное тепло: помещение было мило украшено живыми цветами, их лёгкий, едва уловимый аромат смешивался с запахом свежего кофе. Она невольно подумала, как здорово было бы прийти сюда с Кириллом — сидеть напротив, болтать ни о чём и улыбаться друг другу, пока за окном медленно опускается вечер.

Заметив Таню, которая сидела за столиком у окна, Соня поспешила к ней. Плюхнувшись в мягкое кресло, она широко улыбнулась, будто хотела этой улыбкой разом стереть всё напряжение, что повисло между ними в последние дни.

Но Таня не ответила на эту улыбку. Её взгляд оставался отстранённым, а плечи чуть ссутулились, словно на них легла невидимая тяжесть. Даже мысль о том, что сегодня она увидит Никиту, увидит, как он играет, не зажигала в ней прежнего восторга. Всё это меркло перед другим — перед ощущением, что между ней и Соней теперь есть какая-то стена, сложенная из недоговорённостей и тайн. И эта стена ранила куда сильнее, чем любой прямой конфликт.

— Тань, прости за тот поздний звонок... — протянув руку через стол, жалобным голосом начала Соня, в её глазах читалась искренняя просьба о прощении, желание вернуть ту лёгкость, что была между ними раньше.

— Я не из-за этого злюсь, — отведя взгляд и чуть отстранившись, тихо, но твёрдо ответила Таня, не принимая протянутой руки. В её голосе не было злости — только обида, тихая и горькая, от того, что подруга перестала делиться самым важным.

— Ты права, — тихо пробормотала Соня, опустив взгляд, будто боялась, что в её глазах Таня сразу прочтает всю ту путаницу чувств, которую она так долго прятала. — Я должна была сразу с тобой поделиться. Просто... понимаешь, я сама была ни в чём не уверена. Всё это казалось таким хрупким, будто если скажу вслух — оно рассыплется.

Она сделала короткую паузу, сжала в пальцах край скатерти, собираясь с духом, а потом выпалила на одном дыхании:

— Помнишь того парня, что помог нам той ночью? Мы с ним всё это время общались — весь мой домашний арест. Каждый день переписывались, потом гуляли... И я... я думаю, что он мне нравится. Очень сильно нравится, понимаешь, Тань? — в её голосе дрожали одновременно и радость, и страх — страх быть непонятой, страх, что её чувства покажутся нелепыми или слишком поспешными.

Соня чуть запнулась, подбирая слова, и продолжила чуть тише:

— А вчера брат случайно обронил, что Кирилл взяли на замену заболевшему игроку. И я так захотела его увидеть... Просто стоять там, среди зрителей, и знать, что он там, на площадке, что я могу на него посмотреть. Но теперь я не знаю, что делать дальше. Как сделать так, чтобы наши встречи не закончились, чтобы это не было просто «пока длится домашний арест»... — она грустно опустила глаза

— Соня, ну почему ты так долго молчала?! — воскликнула Таня, и в её голосе смешались обида и искреннее недоумение. — Неужели ты думала, что я тебя не пойму? Да я сама сейчас в такой же ситуации, ты же знаешь... У меня от этих чувств голова кругом идёт, и я каждый день боюсь сказать что-то не то.

Она потянулась через стол и наконец накрыла ладонью руку Сони — крепко, по-дружески, без упрёка, просто чтобы показать: она здесь, она рядом, и между ними не должно быть никаких стен.

— Мы же друг для друга всегда были тем самым местом, куда можно прийти и выложить всё без прикрас, — тихо добавила Таня, чуть смягчив тон, и в её глазах мелькнуло то самое понимание, которого Соне так не хватало все эти дни. — Так зачем прятать самое важное?

Соня на мгновение замерла, будто только сейчас до конца осознала, как сильно ей не хватало этого простого, тёплого принятия. Она слабо улыбнулась, чувствуя, как тяжёлый ком, столько дней сдавливавший грудь, понемногу тает.

— Прости, — прошептала она, переплетая свои пальцы с Таниными, словно цепляясь за эту связь, как за спасительную нить. — Просто когда это всё такое новое и неловкое, кажется, что если расскажешь — всё испортишь.

Таня чуть сжала её руку и улыбнулась — не широко, а так, по-особенному, когда улыбка рождается где-то глубоко внутри и согревает не только того, кто улыбается, но и того, на кого смотрят.

— Ничего ты не испортишь, — уверенно сказала она. — А если что, мы вместе придумаем, как сделать так, чтобы всё стало только лучше. И знаешь, насчёт матчей... Я с радостью пойду с тобой. Буду сидеть рядом и подбадривать — и тебя, и себя.